

XXIII. Правда без прикрас.

Все сказанное в предыдущей главе, несомненно, противоречит обыкновенным речам членов различных политических партий, которые всегда обещают золотые горы и от малейшей реформы ждут наступления земного рая для её сторонников. Но мы, которые не ждем от увлечений массы никакой личной выгоды, которые хотим, чтобы она выучилась сама управлять собой, – мы не станем обольщать ее ложными надеждами. Для того, чтобы наша мысль была сильнее, и наша деятельность имела больше значения, мы должны ясно видеть путь, лежащий перед нами, не обольщаясь никакими иллюзиями, не останавливаясь ни перед какими предрассудками, которые могли бы заставить нас свернуть с истинного пути.

Наши идеи станут приложимыми только благодаря энергии, с которой люди их усвоившие будут вести свою пропаганду. Их успех зависит от той силы, которую мы сможем отдать в распоряжение революции; если же мы до сих пор не прилагаем этой силы, не стараемся сразу перейти от теории к практике, то причина этого – мы вполне это признаем – лежит в существовании различного рода препятствий. Если бы наши убеждения можно было приложить к жизни сейчас же, то с нашей стороны было бы непросительным не попытаться этого сделать. Но препятствия существуют, и наше дело – не отрицать их, а наоборот узнать, в чем они заключаются, и постараться их преодолеть. Мы потому именно и ведем пропаганду, что наши взгляды еще нужно стараться проводить в жизнь: если бы они были уже готовы к осуществлению, то для этого достаточно было бы естественного хода событий.

Мы должны привыкнуть принимать вещи хладнокровно: не смотреть в увеличительное стекло на то, к чему мы стремимся, и, наоборот, в противоположное стекло бинокля – на то, что представляет для нас опасность. Мы ищем правды и если мы будем обманывать себя и других, то ту революцию, которую мы, может быть, вызовем, придется начинать сначала.

Наши противники говорят нам о неосуществимости нашего идеала обыкновенно только тогда, когда у них нет других аргументов, и этот последний аргумент довольно затруднителен, если не по существу, то по форме, потому что в современном обществе, наш идеал в самом деле может очень легко показаться утопией. Человеку, никогда не выходившему умственно за пределы существующего, очень трудно представить себе, что можно жить без правительства, без законов, без судей, без полиции и без всякой другой власти, без каких бы то ни было денежных знаков, когда в наше время людям и так уже трудно столкнуться между собой, несмотря на существование законов, которые считаются обыкновенно созданными именно для облегчения соглашений между людьми.

Мы не можем выставить против этого возражения никаких фактических доказательств, потому что наш идеал пока еще находится в будущем. Мы можем, конечно, указывать на существующие в современном человечестве течения, на разные частичные попытки осуществления этого идеала в маленьких размерах, но какое все это может иметь влияние на предрасположенный ум, не идущий в своих стремлениях дальше улучшения того, что

существует?

Совершенно отвергнуть этот аргумент? Это значило бы спрятать, как страус, голову под крыло: возражение осталось бы все-таки в полной силе. Ответить какими-нибудь софизмами? Мы оказались бы в глухом переулке, выйти из которого можно только при помощи новых софизмов. От этого рода приемов наши идеи никогда ничего не выигрывают. Если мы хотим действительно выяснить вопрос и ответить на все противопоставляемые аргументы, мы должны сами искать возражения, должны стараться вызывать их, чтобы затем по возможности найти на них ответ. И прежде всего мы должны высказываться ясно и определенно, не пугаясь настоящей правды, потому что мы стремимся именно к правде. Раз мы заявили, что она лежит в основе наших идей, мы должны доказать это тем, чтобы всегда и повсюду стремиться найти ее. Мы вполне сознаем, что такое признание не имеет в себе ничего особенно привлекательного для массы, что оно не может увлечь ее за собой; некоторые из наших товарищей, может быть, даже обвинят нас в том, что, недостаточно скрывая темные стороны нашего общественного мирозерцания, мы сеем в наших рядах безнадежность и разочарование.

Такой упрек будет ничем иным, как следом влияния различных политических партий. С какой стати мы будем обещать то, исполнение чего от нас не зависит, и подготавливать, таким образом, реакцию, которая обратится против нас?

Если бы мы составляли политическую партию, стремящуюся к завоеванию власти, тогда, конечно, мы могли бы обещать людям все, что угодно, лишь бы только они помогли нам в нашем предприятии; но у анархистов дело обстоит иначе: нам нечего обещать, нечего просить, нечего давать. И когда нам возражают, что наш идеал неосуществим, нам не остается ничего другого, как указать на факты, в которых обнаруживается стремление человечества пойти именно по этому направлению, а затем вновь показать вытекающие из современного строя бедствия, ложность его основ и недействительность всех реформ, предлагавшихся до сих пор в видах успокоения умов. Мы скажем затем, что перед людьми, в конце концов, стоит все та же альтернатива: или продолжать терпеть эксплуатацию, или прибегнуть к революции, причем успешность этой революции будет зависеть от того, насколько сильно они захотят осуществления идеала, который они признают желательным. Вот все, что мы можем сделать; остальное же будет зависеть не от нас.

Мы, лично, не сторонники пропаганды при помощи громких – высокопарных или сентиментальных – фраз: они только заставляют людей надеяться на немедленное исполнение их желаний, а это – невозможно. Люди входят в движение полными огня и энтузиазма, думая, что вот-вот достигнут намеченной цели, а затем понемногу разочаровываются и бесследно исчезают один за другим. Сколько мы видели за последние десять лет в наших кружках таких товарищей, которые хотели разрушить сейчас же, как Самсон, здание храма? А где они теперь?

Мы хотим делать дело менее громкое, менее блестящее, но более прочное. Мы хотим действовать не только на чувство людей, но и на их ум, на их логику. Это не значит, что мы относимся отрицательно к пропагандистам, которые, главным образом, умеют действовать на чувство: всякий делает свое дело сообразно своим взглядам, своему темпераменту. Но

мы ищем, не людей *верующих*, а людей *убежденных*. Пусть те, которые входят в наше движение, знают заранее все трудности, с которыми им придется встретиться, они должны подготовиться к борьбе с ними, чтобы не впасть в разочарование при первой же неудаче. Путь наш долог и труден и прежде, чем вступить на него, мы должны испробовать силу своей воли и своих мышц: многие изранят себя о придорожные камни, придется нам иногда оставлять на дороге и трупы товарищей. Пусть те, в ком нет достаточной силы духа, лучше остаются дома: они только послужат помехой для двигающегося вперед отряда.

Другой предрассудок, довольно распространенный среди анархистов, состоит в том, чтобы смотреть на массу как на какое-то тесто, из которой можно вылепить что угодно и которой, поэтому заниматься не стоит. Источник его коренится в том, что люди, сделавшие, сравнительно с другими, шаг вперед, считают себя какими-то пророками, стоящими выше обыкновенных смертных. «Мы заставим массу сделать то-то, мы поведем ее за собой», говорят они, совершенно уподобляясь в этом любому диктатору. Этот взгляд на массу – ничто иное, как наследие нашего прошлого, основанного на понятии о власти.

Мы нисколько не отрицаем влияния меньшинства на толпу: наоборот, мы именно потому и стараемся действовать как можно энергичнее, что убеждены в этом влиянии; но мы думаем, что единственный путь, которым анархисты могут, в момент революции, повлиять на массу, это – практическое дело, пропаганда собственным примером, который один только может увлечь толпу. При этом нужно иметь в виду, что такое влияние будет возможно только тогда, когда эта масса будет до известной степени подготовлена предварительной, ясной, и определенной пропагандой, когда она сама придет в движение под влиянием воспринятых раньше идей.

И вот, если мы сумеем надлежащим образом распространить теперь наши взгляды, в этот момент окажется их влияние; только при условии, если мы будем выяснять их и делать доступными для всех, можем мы рассчитывать на долю участия в будущем общественном перевороте. Тогда нам не придется уже бояться, что за нами не пойдут; единственной опасностью будут тогда, наоборот, те преграды, которые захотят поставить движению люди, которые будут считать себя его вожаками.

В революциях толпа всегда идет дальше предшественников движения. Будем же поэтому как можно шире распространять наши убеждения, будем как можно лучше выяснять их, будем даже повторяться, если нужно, – и не будем закрывать глаза на правду. И такая пропаганда не только не оттолкнет людей от нашего дела, но, наоборот, привлечет к нему всех тех, кто жаждет свободы и справедливости.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 17:19:13

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 8 июля 2025 17:19:22